

Валерий Николаевич ЧЕРКЕСОВ

родился в городе Благовещенске Амурской области.

*Автор восемнадцати книг поэзии и прозы,
которые вышли в Москве, Белгороде, Благовещенске,
Воронеже, Хабаровске.*

*Печатался в журналах «Наш современник», «Слово»,
«Москва», «Дружба народов», «Знамя»,
«Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Нева»,
«Всероссийский соборъ» и других.*

*Лауреат Всероссийской литературно-театральной
премии «Хрустальная роза Виктора Розова».*

Член Союза писателей России с 1991 года.

Собственный корреспондент «Литературной газеты».

Живёт в Белгороде.

**Валерий
ЧЕРКЕСОВ**
г. Белгород

«Остывает вода в прионежских болотах...»

НАД
«СЛОВОМ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

*Съ вами, русици...
Из «Слова...»*

* * *

Слова, как стрелы, в грудь попали...
Быть может, на реке Каяле
И я порублен в сече был,
Когда ж воскрес — то позабыл.
И вот которое столетье —
Зарница только полыхнет,
Пригнет траву свинцовый ветер —
Кровь призывает: «Твой черед
За Русь родимую сразиться,
Любовь и веру доказать!»
И стискивает рукоять
Меча

горячая десница.
Я вижу: русицей полки —
Подмога! — скачут вдоль реки.
И радостны, а не горьки
Святые слезы Ярославны.

Унеси меня, память, на берег великой реки,
Уменьшительным именем снова меня нареки.
— Не шали, не купайся подолгу, приди на обед, —
Говорит мне ворчливо, с улыбкой библейскою дед.

Я шалю, я купаюсь до одури и, позабыв
Про еду, возвращаюсь домой, когда солнце, остыв,
Закатилось за сопки далёкие. Дедушка ждёт
У порога, как сторож, и мне подзатыльник даёт
Незлобиво, шутя, и кричит:
— Мать, корми молодца!..

Однокрылый птенец, потому как расту без отца,
Я летаю во сне, говорят, оттого, что взрослою.

Унеси меня, память, туда, где я корью болею
И у жаркой постели, измучившись, мама сидит
И, как Божия Матерь с иконы, мне в душу глядит.

* * *

Когда окажешься один,
не вообще, а в поле,
где стелется горячий дым
над жухлою стернёю,
где ал закат, то вдруг — не вдруг
почувствуешь до боли:
она была, да вот прошла,
жизнь разошлась с тобою
на перекрестке, а когда —
ты не заметил даже,
спешил куда-то, торопил
года. Как гвоздь в пейзаже
теперь торчишь и никому
неведом и не нужен
здесь, где, озвучив тишину,
воронья стая кружит.

* * *

— Отдам последнюю рубашу,
кусок последний вам отдам!.. —
И оземь бухнулся с размаху
перед толпой.
— Не надо нам
твоей одежды, и не будем
мы грызть ржаные сухари!..

Не к тем пришёл, наверно, людям,
не те я двери отворил.

* * *

...И предадут, и продадут,
и кнут пожёстче подберут,
и, как бы невзначай, распнут
не символически — вживую,
потом покаяться придут...
Незыблемы порядки тут,
но землю где найти другую?

ПОЛОВИЦЫ

Высветлила половицы...
В дом сынок войдёт,
Улыбнётся, удивится:
Жёлтые, как мёд,
Доски пахнут пряно, сочно
Свежестью, весной,
А ещё — дальневосточной
Смоляной сосной.

Потемнели половицы.
Горе — на порог...
Поклониться, повиниться
Не успел сынок.

В ПИТЕРСКОМ ДВОРЕ

Собака лает — ветер не уносит
то вой, то стон. С тоски, а не от злости
бедняга разошлась в чужом дворе.
Жила она когда-то в конуре.
Сломали... Для двуногих — места мало!
Гляди — ползут покорно и устало,
дворнягу огибая. Может быть,
им тоже очень хочется завить.

КАРЕЛЬСКАЯ ТЕТРАДЬ

Олегу Тарakanову

1

– Что в Карелии я увижу?
– Серебрится рассветный Киж
куполами резными: Онего
дышит свежестью, старый погост
как посланье из давнего века –
крест березовый намертво врос
в землю серую меж валунами,
принесёнными невесть когда
ледниками, а может, руками
тех, кто лёг почивать навсегда
здесь...
– Ещё что увижу?
– Серебрится рассветный Киж...

2

Ослабевшее бледное солнце
ненадолго выкатывается
над водой темно-серой,
но этого вполне достаточно,
чтоб осветить купола
и наполнить мне душу
благодатью, любовью и верой:
нет же, нет, не напрасно
жизнь моя была и прошла!

Посмотреть на просторы бескрайние,
окаймлённые позолотой
вековых лесов, возносящиеся
в небеса золотые кресты!
И склоняю я голову
перед ладной мужицкой работой,
и молитву шепчу,
и ко лбу прилагаю персты.

3

Всё то, что было
далеко и когда-то,
в память вцепилось,
как злющий репей,
ну а сегодня
мы бродим в прохладном,
тихом лесу
между кряжистых пней.

А говорим
о минувшем – о тех, кто
жив ещё и
кто ушёл навсегда...
Пахнет сосною
пьяняще и терпко,
зреет
в нахмуренном небе звезда.

Может быть, кто-то
и нас вспоминает,
так же блукая
в осеннем лесу,
светлые капельки
с листьев сбивает,
словно печально
роняет слезу.

4

Остывает вода в прионежских болотах.
Клюквы россыпи, словно рубины, во мху,
принакрытые мягкой густой позолотой
увядающих листьев. А там, наверху,
прорезается солнце сквозь туч поволоку,
будто хочет сказать – проскользнула уже
жизнь, как тонкая нитка в стальную иглоку,
и печаль узелком завязалась в душе.